

— Да ты круглый дурак! — не выдержав, взорвался Лингуан. В его алых глазах полыхнул гнев.

Ярость душила его. Обычно прищуренные, его глаза сейчас округлились от возмущения, губы дрожали, но он не мог вытолкнуть из себя больше ни слова.

Лингуан едва не задыхался от злости. Ну откуда на свете берутся такие люди? Как можно быть настолько непроходимым идиотом, чтобы добровольно, без тени страха, раз за разом лезть в петлю?

Но где-то глубоко в душе нарастало потрясение, которое он уже не мог скрыть от самого себя.

Сердце зашло в глухом, неровном ритме.

В конце концов, он ведь не был бесчувственным камнем.

Божественные звери издревле славились долголетием — их век был равен веку самого неба. Но эта бесконечная жизнь делала их чувства неторопливыми, почти глухими к быстрым порывам.

Смертные гибли задолго до того, как бессмертный успевал по-настоящему открыться им. И тогда вечное существо оставалось в полном одиночестве, растерянно баюкая в душе запоздалую, безответную нежность.

Оттого и рождались в мире легенды о любви, преодолевающей перерождения: когда неостывшее, вековое чувство тяжелым, но драгоценным грузом ложится на сердце и заставляет искать любимого в новой жизни.

Такая привязанность не тускнеет с веками — напротив, время лишь гранит её, заставляя сиять подобно вечным звёздам.

Лингуан слишком долго был неразлучен со своим покойным мужем. Рождённые единым вздохом первозданного мира, они вместе парили среди облаков и делили вечность под светом солнца и луны.

Шли тысячелетия, эпохи сменяли друг друга, но их союз оставался незыблемым.

Время бессильно перед истинной любовью.

Лингуан и сам любил слишком преданно, а потому не мог оставаться равнодушным, видя чужую слепую, отчаянную верность.

Такую, как у Е Линя.

Подавшись вперед, Лингуан тихо, почти обреченно спросил:

— Ты действительно так сильно меня любишь?

«Люблю?»

Е Линь замер. В его груди, где всегда царило мертвое безмолвие, сейчас что-то билось — яростно, часто, взхлеб. Орган, никогда прежде не знавший жизни, содрогался от незнакомого, пустившего глубокие корни чувства.

«Что такое "любить"?» — спросил Е Линь у системы.

Что значит это слово? Е Линь не знал. Он всё ещё не понимал, какая глубина кроется в простом человеческом понятии «любовь».

Система тоже не имела личного опыта. Запросы в сети выдавали лишь сухие словарные определения да вычурные строчки из чужих стихов. Но она точно знала: её хозяин привязан к Лингуану. С тех пор как они встретились, Е Линь неузнаваемо изменился. Плохо это или хорошо — система судить не решалась, а потому предпочла промолчать.

В конце концов Лингуан ответил сам. Приложив ладонь к собственной груди, он тихо произнес:

— Когда любишь кого-то... сердце само тебе подскажет. Стоит только взглянуть на этого человека, как оно начинает бешено колотиться, а весь остальной мир просто перестает существовать. Ты не можешь отвести глаз. Тебе хочется быть с ним всегда, каждую секунду. И откуда-то сама собой берется глупая, безрассудная смелость отдать за него всё, что у тебя есть. Это тот, к кому ты пойдешь вопреки всему на свете.

Слушая его, Е Линь медленно поднял руку и прижал ладонь к груди. На его лице впервые за все время промелькнуло подобие улыбки — робкой, неумелой, словно бездушная деревянная кукла вдруг обрела искру живого чувства и теперь пыталась подражать людям. Но в этой неловкости сквозила такая чистая, детская радость, а бешеная дрожь в груди не утихала ни на миг.

— Значит, — негромко произнес он, — я действительно люблю тебя.

Ему хотелось остаться с Лингуаном наедине, укрывшись от целой вселенной. Любой, кто смел приближаться к нему, вызывал у Е Линя глухое раздражение. Его терзали непривычные сомнения: достоин ли он, сможет ли дать Лингуану то, что тот заслуживает...

Оказывается, всё это и было любовью.

— Я люблю тебя, — повторил Е Линь.

Каждое слово веяло тяжелым, нерушимым обетом. Никогда прежде он не был так серьезен.

Против такой искренности невозможно устоять. Сердце Лингуана дрогнуло, но в нем защемила лишь горькая жалость к стоявшему перед ним мужчине.

— Но я люблю только своего покойного мужа, — мягко, но твердо ответил он.

Он не сможет полюбить Е Линя. Никогда.

— Твой муж мертв, — нахмурился Е Линь, заговорив с убийственной, прямолинейной серьезностью.

За последнюю тысячу лет Лингуан слышал это бесчисленное количество раз от самых разных людей. Он лишь грустно, понимающе улыбнулся:

— И что с того? Он мертв уже тысячу лет, и все эти годы я преданно жду его. Пусть пройдут еще тысячи, десятки тысяч лет — я знаю, наступит день, когда он вернется ко мне.

Пальцы Е Линя, лежавшие на его талии, сжались до боли.

Лингуан вскинул голову, встречаясь с ним взглядом. Подобные слова звучали безжалостно для того, кто только что открыл свое сердце. Этой жестокостью Лингуан не раз отсекал чужие надежды, но сейчас... сейчас ему действительно стало искренне жаль Е Линя.

Они ведь были похожи — два несчастных существа, обреченных на бесконечное ожидание безответного чуда. Лингуан почувствовал, как в груди разливается странная, щемящая нежность. Поддавшись порыву, он потянулся вперед и обнял Е Линя, обвив руками его сильную шею и прижавшись к крепкому, могучему телу.

Е Линь, не веря своему счастью, тут же перехватил инициативу, сокрушительно сжав Лингуана в объятиях.

Так обнимаются влюбленные после долгой, мучительной разлуки — до хруста в ребрах, словно пытаясь вдавить другого в себя, растворить в собственной плоти и крови, чтобы острая физическая боль служила доказательством: это не сон, он здесь, он настоящий.

Они стояли, тесно прижавшись друг к другу среди безмолвного леса, разделяя одно дыхание на двоих.

— Бедный ты мой... — тихо вздохнул Лингуан.

Никто во вселенной не знал муки ожидания лучше, чем Лингуан, исходивший эту пустыню длиною в тысячу лет. За это время его расположения искали легионы: смертные, соплеменники-яо, чужаки из далеких миров... Но лишь безумная, отчаянная верность Е Линя сумела растопить его вековую броню. Лингуану внезапно стало совестно играть с чувствами того, кто ради него был готов перешагнуть через саму смерть.

— Уходи, — Лингуан заставил себя разжать руки и мягко, но непреклонно отстранился.

Е Линь недоуменно нахмурился, пытаясь снова привлечь его к себе, но Лингуан сделал шаг назад и прислонился спиной к шершавому стволу дерева. Его тон сменился на равнодушно-деловой:

— Я переведу на твой счет крупную сумму — считай это платой за услуги. Я дарю тебе жизнь. Забирай деньги и живи спокойно, забудь обо мне.

Лицо Е Линя мгновенно потемнело. Проигнорировав сопротивление, он грубо рванул Лингуана на себя, прижал к груди и процедил сквозь зубы:

— Что это значит?

В его глазах вспыхнул дикий, звериный гнев. Он не умел красиво изъясняться, поэтому лишь упрямо сжал губы и повторил с пугающей искренностью:

— Мне не нужны деньги. Я люблю тебя. И буду делать всё, что ты прикажешь.

— Знаю, — вздохнул Лингуан. Лицо его оставалось бесстрастным. Он небрежно расправил складку на плече Е Линя, но упорно отводил взгляд в сторону. — Но я тебя не люблю. Я до конца своих дней буду хранить верность погибшему мужу. И что же, ты собираешься тратить вечность, оберегая меня?

— Оберегая?.. — Е Линь сжал челюсти.

Не терпя возражений, он перехватил запястье Лингуана. Все попытки вырваться оказались бесполезными — хватка была железной. Е Линь силой переплел свои пальцы с его пальцами, прижимая ладонь к дереву, наклонился и властно поцеловал его в уголок губ.

В миг соприкосновения оба на мгновение замерли. Но дикие инстинкты Е Линя взяли верх: интуитивно, без чьих-либо подсказок, он обхватил пальцами подбородок Лингуана, заставив его запрокинуть голову. Их горячее дыхание смешалось, когда он бесцеремонно ворвался за преграду зубов, жадно сминая податливые губы и увлекая его язык в глубокий, душный поцелуй.

Раздался звонкий шлепок.

Лингуан со всей силы влепил ему пощечину. Его лицо пылало от гнева и жгучей обиды, алые уголки глаз влажно поблескивали. В глубине зрачков скопились слезы; они задрожали на длинных ресницах, точно капли утренней росы, готовые вот-вот сорваться. В этот момент в его обычно величественном взгляде проступила странная, пугающая хрупкость.

— Что ты творишь?! — Лингуан яростно, докрасна стер губы тыльной стороной ладони, но слезы упрямо катились по щекам одна за другой.

Он пытался выглядеть грозным и непреклонным, но внутри него все сжималось от глухого, нарастающего ужаса. Его поцеловал чужак — не муж! Лингуан должен был испытать глубокое омерзение, но вместо этого он на долю секунды забылся, впав в оцепенение, и лишь потом начал отбиваться.

Что это значит?

Неужели пресловутая стопроцентная совместимость способна заставить его предать память о единственном любимом?

Лингуана затрясло от паники.

Е Линь молча потянулся к нему, желая смахнуть слезы с его лица, но Лингуан испуганно отшатнулся. Впервые он смотрел на Е Линя с такой откровенной паникой и отторжением.

— Убирайся... Проваливай! — выкрикнул он, но голос сорвался, а слезы продолжали душить его. Он выглядел до безумия беззащитным.

В конце концов он зашелся в рыданиях, его дыхание сбилось, грудь судорожно вздымалась, не давая сделать полноценный вдох. Когда Е Линь внезапно подхватил его на руки, Лингуан, охваченный паникой, забился в его хватке:

— Отпусти меня! Я хочу назад... Верни меня домой! Не смей меня трогать!

Он отчаянно требовал вернуть его, и вскоре на корабле, державшем курс к главной планете расы Яо, для него спешно подготовили тихую каюту.

Лингуан с головой зарылся в тяжелое одеяло. Почувствовав, что кто-то сел на край постели, он попытался неловко отползти к стене, но сильная рука бесцеремонно ухватила его за щиколотку и притянула обратно.

Е Линь молча созерцал эту внезапную капитуляцию: некогда гордый и величественный

Лингуан теперь испуганно прятался под одеялом. Они молча боролись за этот кокон несколько минут, пока Е Линь наконец не вытянул его наружу. Щеки божества горели лихорадочным румянцем, а изящная серьга натянула и без того покрасневшую мочку уха.

Е Линь только что закончил безмолвный диалог с системой. Выдержав долгую паузу, он протянул руку и едва заметно нажал на замок украшения. Серьга, которую Лингуан до этого безуспешно пытался сорвать сам, легко соскользнула и упала в широкую ладонь Е Линя.

— Пусть ты хранишь верность ему, а я буду хранить верность тебе, — негромко произнес грозный Пожиратель, покорно принимая эту горькую, унижительную долю третьего лишнего.

Видя, что Лингуан никак не реагирует, он добавил:

— В своих мыслях обнимай его. А я буду обнимать тебя.

Он помолчал и тихо выдохнул:

— И кусать тебя больше не стану. Прости меня.

Это было полное, безоговорочное отступление.

Он напоминал поверженного правителя, который без боя отдает провинцию за провинцией. Обычно властный и неукротимый, сейчас Е Линь выглядел побитым, унылым псом. Его первый искренний порыв, его первый поцелуй был встречен с таким ужасом и отвращением, что его сердце разлетелось на тысячи осколков. Сам он, впрочем, еще не понимал природы этой боли — ему просто казалось, что неживой орган в его груди окончательно сломался.

Пытаясь исправить содеянное, он заговорил быстро, сбивчиво, заглядывая Лингуану в глаза:

— Хочешь, когда мы вернемся, я снова буду копировать для тебя те фонари призыва душ? Буду тратить всю свою силу, пока не истощусь до предела. Хочешь?

Лингуан лишь крепко прикусил губу, упорно молча.

Конечно, великого Божественного Лорда Вермилиона, прошедшего сквозь бури эпох, невозможно было испугать простым поцелуем. Его до смерти напугало другое — собственное внезапное малодушие. То, как легко и незаметно его тело и разум прекратили сопротивляться чужим объятиям.

В мире смертных говорили, что человек умирает трижды. Первый раз — когда останавливается его сердце. Второй — когда его имя вычеркивают из списков живущих. И третий, окончательный раз — когда уходит последний, кто его помнил.

Лингуан никогда не думал, что сможет впустить в свое сердце кого-то еще.

Но сейчас им овладел первобытный страх. Малейшее колебание, секундная слабость по отношению к чужаку казались ему чудовищным предательством. Любовь к покойному мужу давно проросла сквозь его плоть и кости, став неотъемлемой частью каждого прожитого дня, священным ритуалом, изменить которому было немыслимо.

Для обычных людей увлечься кем-то заново — дело нехитрое. Но для Лингуана это означало собственноручно вырвать из груди живое сердце.

Если даже он предаст забвению память об Ао Цине, то кто вообще сбережет её? Кто вспомнит, что когда-то в поднебесной жил тот нежный, заботливый юноша, защитник этого мира, его...

Его единственный возлюбленный.

— Мое сердце... принадлежит лишь покойному супругу, — еле слышно прошептал Лингуан, словно заклиная самого себя.

Е Линь молчал.

— Я буду любить только его.

Е Линь не проронил ни слова.

— Только его, — упрямо повторял Лингуан, судорожно цепляясь за ускользающую уверенность.
— Я могу любить только его одного.

Даже стопроцентная совместимость, дарованная Системой совместимости, не заставит его отречься от своей вечной клятвы.

— Хорошо, — Е Линь осторожно коснулся его волос, тихо и покорно соглашаясь с его волей. Он сам, своими руками затягивал на себе эту петлю безответности. — Люби его. А я буду любить тебя.

Это не имело значения.

Система как-то упоминала, что тем, кто живет бок о бок, вовсе не обязательно пылать взаимной страстью. И что безответное чувство — тоже любовь, а сладок ли насильно сорванный плод, каждый решает сам.

В конце концов, его соперником был всего лишь покойник.

Всего. Лишь. Мертвец.

<http://bllate.org/book/20308/2177905>